

10.06.2001

Пташук Михаил

Сказки Н-ского леса

Известия - 2001 - 10 сентября - С. 8

«В августе 44-го» Михаила Пташука — на «Кинотавре»

Читателям глянцевого журнала, уверенным, что термин «стрельба по-македонски» выдумал Джон Ву, фильм Пташука нравится. Добротное, говорят они, военное кино. Это, конечно, не комплимент. Добротными чаще всего зовут троичные произведения «для широкого зрителя». Однако ни в какое сравнение их реакция не идет с чувствами тех, кто держал роман Владимира Богомолова на главной, неприкосновенной для гостей полке — за двумя стеклами, рядом с Олешей, Казаковым, Шварцем, Экзюпери, Джеромом и юрмальским янтарным камешком. Этих людей совместная российско-белорусская постановка повергла в неприкрытое бешенство.

**Денис ГОРЕЛОВ,
Георгий МХЕИДЗЕ**

Джон Ву скорее всего и слыхом не слыхал, что его фирменная пальба с двух рук навскидку с 1974 года по всей читающей России зовется македонской — так, как ее называли оперативники Смерша в августе 44-го. Сброшенный из трех тетрадок «Нового мира» под коленкор с золотым тиснением, роман Богомолова в одночасье стал знаковым, обязательным для элитного чтения наравне с «Иосифом и его братьями», «Бомбой для председателя», «Архипелагом ГУЛАГ» и ныне благополучно забытым «Альтистом Даниловым». Это была первая книжка, которую приносил отец в качестве отроческого причастия. Фразы «прокачать на косвенных», «блокировать директрису», «шиш да кумыш», «на полведра скипидара с патефонными иголками» были столь общеизвестны, что даже не вошли в обиходную речь: пользоваться ими казалось таким же дурным тоном, как искрить цитатами из «Золотого тельца». Миллионы горожан держали в уме глубоко личные образы Але-

хина—Таманцева—Блинова, Мищенко, капитана Аникушина — так что выбор исполнителей был в этих условиях не менее ответственным делом, чем на «Войне и мире».

В обращении с военной тематикой это было неправдоподобно честное время. Через 30 лет после событий страна нехотя впускала в себя настоящую войну — с жесткой, иногда потаенной классовой субординацией вместо распахнутого окопного братства, с постоянной проверкой красноармейских книжек, продаттестатов, командировочных удостоверений, с глиняной жижей дорог, офицерской спесью, режимом, комендатурами, санпропускниками, нагромождением аббревиатур — нацпо, ВПХР, УРС, — войну, в которой у каждого свое место, ячея, привязка к местности, госпиталь, резерв, передовой, и отсутствие этой привязки означает, что ты люта вражина, имеющая прямое отношение к передатчику, две недели выходящему в эфир на стыке Первого и Второго Белорусского фронтов. Сорок четвертый вывел армию к довоенным границам, смыв пафос и поэзию последнего рубежа, война

из героизма и ужаса превратилась в вязкую томительную работу по обеспечению десяти сталинских ударов на Ясско-Кишиневском, Львовско-Сандомирском и Корсунь-Шевченковском направлениях. И опутимое чудовищное напряжение всей военнo-государственной пирамиды от Ставки до батарейной козявки сконцентрировалось на острейшей клинке — рядовой, хоть и заслуженной опергруппе фронтовой контрразведки. Сорок сороков генералов, тьмы адъютантов и орды штабных потели, рывкали, шипели, мычали, угрюмо интелесовались, когда же старшего лейтенанта Таманцева сподобит оторвать задницу от муравейника и приступить к своим прямым обязанностям по расчистке ближних тылов наступающей армии от шпионов и диверсантов, а старший лейтенант жрал на бегу, ругаясь, когда эти сорок сороков прочухаются, пришлют дешифровку радиоперехвата и перестанут прикреплять в нагрузку непрофессионалов.

В этом, очевидно, и был момент истины: 70-е впервые после НЭПа начали ценить голый профессионализм, вдвойне преклоняясь перед теми, чью профессию посторонним постичь не дано: нейрохирургами, ядерщиками, автолесарями и разведчиками — только настоящими, а не теми, что с утра до вечера парашюты закапывают. В годы, когда народ сходил с ума по Штирлицу, в лучших домах Москвы и Питера повторяли вслед за Ладейниковым: «Господи, откуда они его взяли? Он что, из цирка?» Причастных, прикоснувшихся заво-ра-

живала мощная тайна знания, расчиста и ремесла.

Михаил Пташук снял фильм про тех, кто «из цирка». Все войска по дикой жаре и без обстрела ходят в касках, в каждой из которых — два килограмма живого веса. Засада в один вечер берет годами разыскиваемого диверсанта. Лопухи стратегические агенты всюду разбрасывают целлофановые пакеты с черной надписью «Shpeck». Выпускник элитной разведшколы лупит из автомата очередь на подлиску зараз. У Мищенко в исполнении Александра Балужева на лбу написано: «Я агент трех разведок и сейчас буду у вас секреты выведывать и генеральные наступления срывать». Но главное — на роль супербизона, битого-пербитого розысника Алехина берется вечный инфант, подросток, маленький принц российского кино Евгений Миронов, а на равнозначного Жеглову харизматика Таманцева — безусловно спортивный, но вполне рядовой артист Владислав Галкин. Миронов серьезно работал — но и у самых выдающихся актеров, каким он, безусловно, является, бывает предел внешности; мионовским потолком в этой раскладке был стажер лейтенант Блинов по кличке «Малыш». Жалаквичиус, которому не удалось поставить роман в конце 70-х, утвердил на главную роль Сергея Шакурова — почувствуйте разницу.

Финальную, растянувшуюся на 84 страницы сцену прокачки можно было решать только на коротком рубленном монтаже: переминающиеся ноги, прострельные взгляды за спину, вытирае-

мые о колено потные руки засады, подписи, печати, даты, смазанные чернилами, барабанищие пальцы, веерный прогон розыскных ориентировок «анфас — профиль», врезки разворачивающихся для прочесывания войск, машины-солдаты-собаки и поверх всего — вялая неторопливая фонограмма: «Вы — эта — из какой части будете?» Только так можно было передать ножницы саспенса меж рутинным топтанием на полянке пятерых мужчин и гигантской внутренней работой изготoвившихся к сшибке профессионалов. Драматургия Богомолова на четверть века опередила современные ей экранные технологии — только с рождением калейдоскопичной клиповой эстетики появилась возможность адекватного воплощения априори некиногеничного романа. Пташук же снял фильм в тяжело-весных повествовательных традициях 70-х: молнии сыскного геня, пронизавшие с виду беспорядочную военную кутерьму, утопили в квелом сочинении ко Дню Победы. Роман, предмет кастового фанатизма, стал в один ряд с закодowanными и не поддающимися постановке сюжетами — «Макбетом» и «Мастером и Маргаритой». Многочисленные скандалы автора с режиссером, режиссера с продюсером, продюсера с новым правообладателем подтвердили его инфернальную ауру, право не считаться беллетристкой и место на главной полке отечественной литературы. Возле Трифонова с Шукшиным, ставить которых ни у кого рука не поднимется.

Сочи